

DOI: 10.17803/1729-5920.2026.234.5.120-138

В. Д. НикишинМосковский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Правовая и нейроправовая экспертиза информационных материалов: потенциал нейротехнологий для противодействия когнитивным угрозам и разработки моделей правового регулирования медиасреды

Резюме. Современные нейротехнологии — перспективное направление, способное оказать обширную поддержку при защите прав и законных интересов граждан в самых разных областях общественной жизни. Грамотное использование нейротехнологий для принятия сбалансированных нормативных моделей в сфере оборота информации, а также внедрение в практику правовой экспертизы информационных материалов (медиапродуктов) может усовершенствовать политику в области сохранения традиционных духовно-нравственных ценностей, процессы обеспечения информационной безопасности и когнитивного суверенитета. В исследовании представлена авторская классификация видов экспертизы информационных материалов в зависимости от характера регламентации и вида юрисдикционной деятельности; раскрыты правовая природа и правовой статус, предмет, объект, методология и основы методики правовой экспертизы информационных материалов (деструктивно-противоправного контента). Предложена наукоемкая модель нейроправовой экспертизы, объединяющая результаты нейрофизиологической регистрации с правовой квалификацией деструктивного воздействия и категорией нейроправ. Критически переосмыслены теории правового регулирования медиасреды, исходящие из презумпции нейтральности каналов распространения контента и недооценивающие алгоритмически усиливаемые эффекты когнитивного давления. Сформулированы критерии отнесения информационных материалов к зонам повышенного риска, приведены теоретические предпосылки формирования нейроправовой экспертизы. Подчеркивается практическая значимость интеграции нейротехнологий в процедуры оценки медиаконтента для разработки наукоемких правовых моделей регулирования медиасреды, настройки регуляторных требований к платформам и конструирования режимов защиты от когнитивных угроз деструктивного воздействия.

Ключевые слова: нейротехнологии; правовая экспертиза; нейроправовая экспертиза; когнитивный суверенитет; медиаправо; информационные угрозы; когнитивные угрозы; деструктивное медиавоздействие; информационная безопасность; медиабезопасность; правовое регулирование медиасреды; медиаконтент; деструктивный контент; когнитивное давление; духовно-нравственные ценности

Для цитирования: Никишин В. Д. Правовая и нейроправовая экспертиза информационных материалов: потенциал нейротехнологий для противодействия когнитивным угрозам и разработки моделей правового регулирования медиасреды. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 5. С. 120–138. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.234.5.120-138

Благодарности. Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

Legal and Neuro-Legal Examination of Information Materials: The Potential of Neurotechnologies for Countering Cognitive Threats and Developing Legal Regulation Models for the Media Environment

Vladimir D. Nikishin

Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation

Abstract. Modern neurotechnologies represent a promising area that can provide extensive support in protecting the rights and legitimate interests of citizens in various areas of public life. The competent use of neurotechnologies to adopt balanced regulatory models in the field of information application, as well as the introduction into practice of legal expertise of information materials (media products) can significantly improve the policy of preserving traditional spiritual and moral values and, in general, the sphere of ensuring information security and cognitive sovereignty. This study presents an original classification of types of examination of information materials depending on the nature of regulation and type of jurisdictional activity; reveals the legal nature and legal status, subject, object, methodology and fundamentals of the methodology of legal expertise of information materials (destructive illegal content). The paper proposes a high-tech model of neuro-legal examination that combines the results of neurophysiological registration with the legal qualification of destructive effects and with the category of neuro-rights. Existing theories of legal regulation of the media environment are critically reassessed, particularly those that assume the neutrality of content distribution channels and underestimate the algorithmically amplified effects of cognitive pressure. Criteria for classifying information materials as high-risk zones are formulated, and theoretical prerequisites for the development of neuro-legal examination are proposed. The practical importance of integrating neurotechnologies into media content assessment procedures is emphasized for the development of high-tech legal models for regulating the media environment, adjusting regulatory requirements for platforms, and designing protection regimes against cognitive threats of destructive influence.

Keywords: neurotechnology; legal examination; neuro-legal examination; cognitive sovereignty; media direction; information threats; cognitive threats; destructive media action; information security; media security; legal regulation of media environment; media content; destructive content; cognitive pressure; spiritual and moral values

Cite as: Nikishin VD. Legal and Neuro-Legal Examination of Information Materials: The Potential of Neurotechnologies for Countering Cognitive Threats and Developing Legal Regulation Models for the Media Environment. *Lex russica*. 2026;79(5):120-138. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.234.5.120-138

Acknowledgments. The study was carried out within the framework of «Priority-2030» Strategic Academic Leadership Program.

Введение

Современное общество постоянно потребляет большие объемы информации из самых разнообразных источников. Информационное пространство характеризуется стремительным развитием цифровых и иных информационных технологий, а также нейротехнологий и манипулятивных социальных технологий, что приводит к появлению новых форм контента, оказывающих сложное и многогранное воздействие на сознание человека. В условиях увеличения количества медиапродукции, которая включает в себя креолизованные тексты, сгенерированный искусственным интеллектом контент, аудиовизуальные материалы, содержащие скрытые невербальные компоненты, способные влиять на подсознание, традиционные способы экспертизы и правовой оценки информационных

продуктов с точки зрения их влияния на потребителей информации зачастую могут оказаться недостаточно эффективными.

Одним из перспективных направлений решения указанной проблемы представляется применение нейротехнологий, дающих дополнительные эмпирические данные о степени воздействия контента на психику человека, что поможет не только делать выводы о противоправности или правомерности оборота тех или иных информационных материалов, но и совершенствовать информационное законодательство, в том числе в части установления запретов и ограничений на распространение информации, основанных на объективных сведениях о реальной общественной опасности материалов.

Именно правовой природе и статусу, теоретическим основам правовой экспертизы ин-

формационных материалов и возможностям ее развития через использование нейротехнологий и посвящена настоящая работа.

**Виды экспертизы информационных материалов.
Юридические знания как специальные**

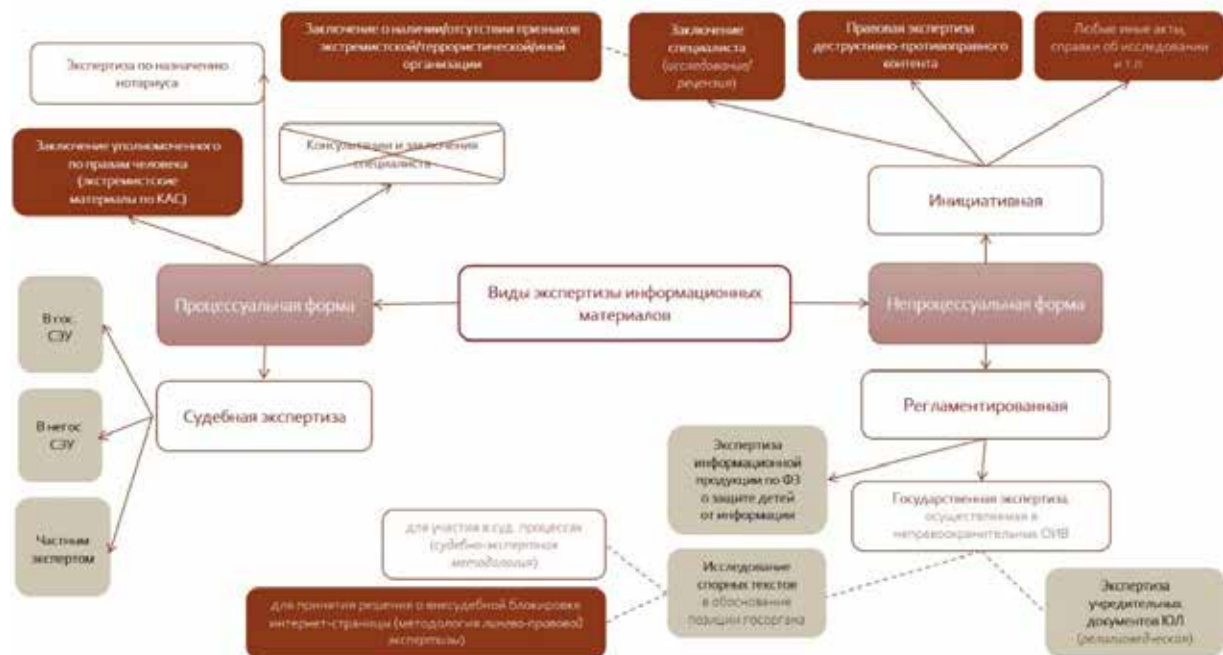
Любая экспертиза представляет собой исследование конкретного объекта с использованием специальных знаний. Прежде чем перейти к понятию, сущности и возможностям нейрорправовой экспертизы информационных материалов, следует осветить имеющуюся палитру исследований информационных материалов, проводимых для выявления признаков потенциальной противоправности, рассмотреть природу и статус правовой экспертизы (см. схему).

Остановимся на некоторых тезисах-комментариях к нижеприведенной схеме, важных для определения места правовой и нейрорправовой экспертизы информационных материалов в данной классификации.

Ключевое деление на процессуальные и непроцессуальные формы использования специальных знаний в качестве критерия предполагает установленный процессуальным законодательством порядок привлечения (участия) сведущих лиц к судопроизводству для оказания содействия в разрешении дела по существу.

Эксперт и специалист — процессуальные фигуры сведущих лиц в судопроизводстве, т.е. лиц, обладающих специальными знаниями. При этом лицо, выступающее в качестве эксперта в процессе (ст. 57 УПК РФ, ст. 86 ГПК РФ, ст. 55 АПК РФ¹, ст. 49 КАС РФ, ст. 25.9 КоАП РФ), всегда проводит исследование объекта (информационных материалов), а специалист в процессуальном смысле не исследует объект, а лишь разъясняет сторонам и суду вопросы, входящие в его профессиональную компетенцию, консультирует, дает пояснения (ст. 58 УПК РФ, ст. 55.1 АПК РФ, ст. 188 ГПК РФ, ст. 50 КАС РФ)².

В силу укоренившейся (и одновременно небесспорной) презумпции «судьи знают право»

Виды экспертизы информационных материалов

¹ Постановление Пленума Высшего арбитражного суда РФ от 04.04.2014 № 23 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами законодательства об экспертизе» // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2014. № 6.

² Кроме того, специалист может привлекаться для постановки вопросов эксперту, допроса свидетелей, содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических

в уголовном процессе не допускается постановка перед экспертом «правовых вопросов, связанных с оценкой деяния, разрешение которых относится к исключительной компетенции органа, осуществляющего расследование, прокурора, суда»³, а для арбитражного процесса Пленум ВАС РФ указал, что «вопросы права и правовых последствий оценки доказательств не могут быть поставлены перед экспертом»⁴.

Стоит отметить, что приведенные постановления пленумов не содержат никаких ограничений на постановку правовых вопросов перед специалистом.

Научная дискуссия о соотношении специальных и юридических знаний, возможности постановки судебному эксперту правовых вопросов ведется далеко не первый год.

В работах таких ученых-юристов и криминалистов, как Т. В. Аверьянова, А. А. Эксархопуло, П. М. Филиппов, А. А. Мохов, В. С. Коваль⁵, не оспаривается возможность частичного отнесения юридических знаний к специальным, а в трудах Е. Р. Россинской, Е. И. Галяшиной, А. М. Зинина, Л. В. Лазаревой, Е. В. Ивановой, Д. В. Зотова, Ю. С. Жарикова⁶ прямо говорится о возможности использования узкопрофильных правовых знаний как специальных.

Е. Р. Россинской предложена концепция судебно-нормативных экспертиз⁷, предметом которых «являются фактические данные (обстоятельства дела), устанавливаемые в уголовном, гражданском, административном и конституционном судопроизводстве путем исследования объектов с использованием специальных

средств в исследовании материалов дела и т.п. (ст. 25.8 КоАП РФ, ст. 58 УПК РФ, ст. 55.1 АПК РФ, ст. 188 ГПК РФ, ст. 50 КАС РФ).

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 2.

⁴ Постановление Пленума ВАС РФ от 04.04.2014 № 23.

⁵ Аверьянова Т. В. Судебная экспертиза : курс общей теории. М. : Норма, 2006. С. 186 ; Эксархопуло А. А. Специальные познания в уголовном процессе и их нетрадиционные формы // Вестник криминалистики. 2001. Вып. 2. С. 22–28 ; Он же. Специальные познания и их применение в исследовании материалов дела. СПб. : Изд. дом Санкт-Петербургского гос. университета, 2005. С. 68 ; Филиппов П. М., Мохов А. А. Использование специальных знаний в судопроизводстве России. Волгоград : ВА МВД России, 2003. С. 27–35 ; Коваль В. С. Комментарий к постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» // Комментарий к постановлениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам / под общ. ред. В. М. Лебедева. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2014.

⁶ Теория судебной экспертизы (Судебная экспертология) : учебник / под ред. Е. Р. Россинской. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : Инфра-М, 2026 ; Лазарева Л. В. Концептуальные основы использования специальных знаний в российском уголовном судопроизводстве : дис. ... д-ра юрид. наук. Владимир, 2011 ; Зотов Д. В. Юридическая экспертиза как новая форма применения специальных знаний в уголовном судопроизводстве // Воронежские криминалистические чтения. Федеральный научно-практический журнал. 2016. № 1 (18). С. 48–61 ; Он же. Правовая экспертиза в уголовном судопроизводстве: от легализации к процессуальной регламентации. Воронеж, 2015 ; Жариков Ю. С. Уголовно-правовое регулирование и механизм его реализации : монография. М. : Юриспруденция, 2009 ; Галяшина Е. И., Никишин В. Д. Информационно-мировоззренческая безопасность в интернет-медиа : монография. М. : Блок-Принт, 2023 ; Галяшина Е. И. Проблемы использования юридических знаний как специальных в уголовном судопроизводстве // Теория и практика фундаментальных и прикладных исследований в сфере судебно-экспертной деятельности и ДНК-регистрации населения Российской Федерации : материалы Международной научно-практической конференции, Уфа, 13–14 октября 2022 г. Уфа : Научно-исследовательский институт проблем правового государства, 2022. С. 53–58 ; Иванова Е. В. Понятие и содержание специальных знаний, используемых при расследовании преступлений, связанных с опасными для здоровья веществами // Nomothetika: Философия. Социология. Право. 2014. № 2 (173). С. 164–179.

⁷ Россинская Е. Р. Специальные юридические знания и судебно-нормативные экспертизы // Argumentum ad iudicium. ВЮЗИ — МЮИ — МГЮА. Труды. 2006. Т. 2. С. 234–241 ; Она же. Концепция судебно-нормативных экспертиз как основа использования специальных юридических знаний в судебно-экспертной деятельности // Вестник ННГУ. 2015. № 2. С. 149–152.

юридических знаний, в том числе нормативных и нормативно-технических актов»⁸.

Еще одним нормативным обоснованием возможности отнесения юридических знаний к специальным выступает регламентация в законодательстве порядка установления содержания нормативных правовых актов, в том числе иностранных. Так, в ст. 1191 ГК РФ и ст. 14 АПК РФ упоминается о привлечении экспертов, а в ст. 50 КАС РФ утверждается, что перед специалистом могут быть поставлены вопросы, связанные с установлением содержания положений нормативного правового акта, норм иностранного права, технических норм. Кроме того, в п. 44 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2017 № 23 «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом»⁹ для номинации знаний в области иностранного права употребляется именно термин «специальные знания».

Довольно специфической процессуальной формой использования специальных знаний, не получившей в действующем законодательстве должной регламентации, является заключение уполномоченного по правам человека по административным делам о признании материалов экстремистскими (ч. 3 ст. 265.8 КАС РФ). Как показывает практика, такие заключения носят преимущественно правовой характер, что неудивительно: должны быть отражены правовой анализ с точки зрения теории прав человека и их правовых гарантий, оценка применимости действующего антиэкстремистского законодательства через правовой анализ соответствия спорных информационных продуктов признакам экстремистских материалов¹⁰.

Безусловно, специальные знания (в том числе для исследования потенциально противоправных информационных материалов) ис-

пользуются не только в судопроизводстве, но и в иных, непроцессуальных формах, при этом часть из них носит регламентированный характер.

Регламентированные экспертизы в непроцессуальной форме проводятся в рамках юрисдикционной деятельности различных государственных органов:

— так, глава 4 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»¹¹ регламентирует порядок проведения экспертизы информационной продукции для установления наличия или отсутствия признаков информации, причиняющей вред здоровью и (или) развитию детей, и отнесения ее к видам запрещенной или ограниченной для распространения среди несовершеннолетних (и каких именно возрастных категорий);

— в ряде случаев возникает необходимость в экспертизе при государственной регистрации и (или) осуществлении контроля за соблюдением религиозной организацией устава и законодательства, вступлении в законную силу решения суда о признании материалов экстремистскими и т.д. Экспертным советом по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Министерстве юстиции РФ (или его территориальном управлении) осуществляется государственная религиоведческая экспертиза. Объекты такой экспертизы — разнообразные документы религиозной организации и информационные материалы, содержащие сведения о ней¹²;

— экспертными подразделениями органа исполнительной власти (подведомственного ему учреждения) может проводиться исследование спорных информационных материалов для обоснования позиции органа по привлечению к административной ответственности (например, за злоупотребление свободой массовой информации — ст. 13.15 КоАП РФ) или

⁸ *Россинская Е. Р.* Судебная юридическая (правовая) экспертиза: за и против с позиций современной судебной экспертологии // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2016. № 8 (24). С. 63.

⁹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 8.

¹⁰ *Галяшина Е. И., Никишин В. Д.* Методические рекомендации по правовой оценке уполномоченным по правам человека информационных материалов по делам о признании их экстремистскими в административном судопроизводстве : отчет о выполнении работ по государственному заданию на тему «Научно-методическое обеспечение совершенствования государственной системы защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации». М., 2022.

¹¹ СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 48.

¹² Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 12.11.2024 № 334 «О внесении изменений в приказ Минюста России от 18.02.2009 № 53 “О государственной религиоведческой экспертизе”» // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru). № 0001202411180065.

принятия решения о внесудебной блокировке интернет-страницы, в частности в соответствии со ст. 15.1, 15.3 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»¹³ (далее — Закон об информации).

Инициативные экспертизы объединяет отсутствие процессуальной формы (т.е. в судопроизводстве как доказательства такие заключения могут приобщаться только в качестве иных документов) и регламентации порядка их назначения (поручения/запроса), производства и оценки их результатов.

Одним из наиболее распространенных документов, оформляющих результаты исследования, инициированного адвокатом или другим субъектом, в компетенцию которого не входит назначение судебной экспертизы, выступает заключение специалиста. Результат такого рода исследования, проводимого в инициативном, непроцессуальном порядке (как правило, на возмездной основе — по договору оказания услуг), может называться и актом исследования, и справкой об исследовании, и альтернативной экспертизой и т.д., однако на практике чаще всего именуется заключением специалиста, что, безусловно, вносит некоторую путаницу при ошибочном отождествлении с получаемым в уголовно-процессуальном порядке заключением специалиста. Как было сказано выше, процессуальная фигура специалиста не вправе проводить исследования объекта, т.е. в заключении специалиста, получаемом в процессуальном порядке, могут содержаться лишь его суждения по вопросам, не требующим непосредственного исследования информационных материалов, а заключение специалиста, получаемое в непроцессуальной форме, не имеет никакого нормирования, может отражать и результаты исследования, причем по любым вопросам, в том числе правовым. Нередко заключения специалистов, проводимые по запросам правоохранительных органов, ложатся в основу доказательственной базы для признания информационных материалов экстремистскими в порядке административного судопроизводства по иску прокурора (гл. 27.2 КАС РФ).

Кроме того, как непроцессуальное заключение специалиста в большинстве случаев оформляется и рецензирование заключений судебных

экспертов (рецензия на заключение эксперта, заключения в виде научно-методических рецензий и т.п.).

Перейдем к характеристике правовой экспертизы как непроцессуальной формы использования специальных знаний.

По мнению Е. И. Галяшиной, «правовая экспертиза направлена на выработку правовых механизмов, направленных на выявление признаков противоправного девиантного поведения в медиапространстве и пресечение распространения деструктивной идеологии в первую очередь в молодежной среде как наиболее восприимчивой к воздействию различных вредоносных техник манипулирования индивидуальным и групповым сознанием»¹⁴. Позволим себе не согласиться с такой характеристикой, отсылающей, с одной стороны, к криминологическому знанию (при этом понятие девиантного поведения шире противоправного), а с другой — к нормотворчеству, так как целью экспертизы заявлена выработка неких новых правовых механизмов, обнаруживающих признаки девиантного поведения, однако дальнейший текст цитируемой статьи рассматривает правовую экспертизу сугубо как прикладное исследование интернет-контента на предмет «наличия информации, запрещенной к распространению на территории Российской Федерации (которая направлена на пропаганду войны, разжигание национальной, расовой или религиозной ненависти и вражды), а также иной информации, за распространение которой предусмотрена уголовная или административная ответственность»¹⁵. Неясно, почему предмет экспертизы, с одной стороны, заужен тематически (описаны проявления «языка вражды»), а с другой — крайне расширен до установления любой информации, за распространение которой предусмотрена уголовная или административная ответственность; при этом остаются за скобками виды информации, которая запрещена к распространению информационным законодательством и в отношении которой и так действует механизм внесудебной блокировки (в том числе ст. 15.1, 15.3 Закона об информации).

В другой работе Е. И. Галяшина и К. М. Богатырев рассматривают правовую экспертизу исключительно как научно-консультативное экспертное заключение «для оценки соответствия

¹³ СЗ РФ. 2006. № 31. Ст. 3448.

¹⁴ Галяшина Е. И. Поговорим о правовой экспертизе // Правовой альманах. 2023. № 3 (25). С. 23.

¹⁵ Галяшина Е. И. Поговорим о правовой экспертизе. С. 23.

процессуальному законодательству, полноты и всесторонности судебной лингвистической экспертизы, проверяемости ее результатов на основе общепринятых научных и практических данных»¹⁶. В таком случае непонятно, в чем принципиальная новизна подобной экспертизы, особенности ее предмета, объекта и используемых методов, если фактически идет речь о рецензировании заключений судебных экспертов — лингвистов. С методологической точки зрения (в том числе ввиду нерелевантности областей знания наименованию экспертизы) вызывает сомнение и следующий тезис указанных авторов: «Мы считаем, что пересмотр лингвистических доказательств с целью поиска и выявления исследовательских ошибок относится к компетенции правовой экспертизы, проводимой сведущими лицами в области криминалистики, судебной экспертизы и речеведения»¹⁷.

Потенциал прикладных правовых исследований информационных материалов в непроцессуальных формах еще более высок и разнообразен, применим не только в судопроизводстве, но и в иных видах юрисдикционной деятельности. На схеме (см. с. 122) красным цветом выделены виды экспертизы информационных материалов, которые полностью или частично подразумевают правовой анализ потенциально противоправных информационных материалов, т.е. варианты правовой экспертизы. На наш взгляд, контрпродуктивно говорить о правовой экспертизе как таковой без конкретизации объекта в ее названии, уточнения ее предмета и особенностей используемых методов исследования.

Правовая природа и статус правовой экспертизы информационных материалов в различных видах юрисдикционной деятельности

Правовая экспертиза информационных материалов (деструктивно-противоправного контента) востребована в рамках следующих направлений правоприменения.

1. Правовой механизм внесудебной блокировки противоправного контента:

1.1) юрисдикционная деятельность органов государственной власти, уполномоченных принимать решения о внесудебной блокировке деструктивно-противоправного контента (например, Роскомнадзор, Росмолодежь, МВД России, ФСБ России, Росгвардия, Роспотребнадзор и другие органы — по видам информации, предусмотренным частью 5 ст. 15.1 Закона об информации, в соответствии с разграничением компетенции согласно постановлению Правительства РФ от 26.10.2012 № 1101¹⁸; Генеральный прокурор РФ или его заместители — по видам информации, установленным статьями 15.1-1, 15.3 Закона об информации);

1.2) деятельность специализированных организаций и подразделений, осуществляющих обеспечительно-вспомогательную для юрисдикционной деятельности по ограничению доступа к деструктивно-противоправному контенту функцию: мониторинг интернет-ресурсов, подготовку обращений и (или) заключений и отправление на потенциальную блокировку в уполномоченные органы, названные в п. 1.1; подготовку справок, актов и заключений по результатам анализа интернет-ресурсов по запросу указанных органов, а также взаимодействие с иными органами для привлечения к ответственности лиц, распространяющих противоправные материалы. В той или иной степени к таким специализированным организациям можно отнести, например, АНО «Центр изучения и сетевого мониторинга молодежной среды», к специализированным подразделе-

¹⁶ Galyashina E. I., Bogatyrev K. M. Legal Expertise as a Tool of Countering Violent Extremism in the Web 2.0 // Kutafin Law Review. 2024. Vol. 11. № 1. P. 142–158.

¹⁷ Galyashina E. I., Bogatyrev K. M. Op. cit.

¹⁸ Постановление Правительства РФ от 26.10.2012 № 1101 «О единой автоматизированной информационной системе “Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети “Интернет” и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в информационно-телекоммуникационной сети “Интернет”, содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено”» (вместе с Правилами создания, формирования и ведения единой автоматизированной информационной системы...) // СЗ РФ. 2012. № 44. Ст. 6044.

ниям иных организаций — Институт информационной и медиабезопасности МГЮА (ИИМБ МГЮА), региональные координационные центры по вопросам формирования у молодежи активной гражданской позиции, предупреждения межнациональных и межконфессиональных конфликтов, противодействия идеологии терроризма и профилактики экстремизма, центры информационной безопасности субъектов РФ, НКО и иные организации, реализующие проекты в сфере медиаграмотности и информационной безопасности.

Так, методике правовой экспертизы деструктивно-противоправного контента, разработанной ИИМБ МГЮА¹⁹, в 2024–2025 гг. обучено 223 представителя ГРЧЦ (Роскомнадзор), МВД, Роспатриотцентра (Росмолодежь), координационных центров; указанная методика применена экспертами ИИМБ в 2024–2025 гг. для исследования более чем 6,5 тыс. объектов.

2. Юрисдикционная деятельность Минкультуры России как федерального органа исполнительной власти, уполномоченного осуществлять государственную поддержку кинематографии:

2.1) предоставление (выдача) прокатных удостоверений на фильмы. Прокатное удостоверение не предоставляется (не выдается), если фильм содержит деструктивно-противоправную информацию, указанную в ст. 5.1 Федерального закона от 22.08.1996 № 126-ФЗ «О государственной поддержке кинематографии Российской Федерации»²⁰;

2.2) выдача заключений о наличии в фильмах, на которые отсутствуют прокатные удостоверения, материалов, дискредитирующих традиционные российские духовно-нравственные ценности и (или) пропагандирующих их отрицание.

3. Административное судопроизводство:

3.1) по делам о признании информации, размещенной в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в Интернете, запрещенной для распространения в Российской Федерации (по иску прокурора после соблюдения досудебного порядка согласно ст. 15.1 Закона об информации) — для обоснования административного искового заявления

(п. 3 ч. 2 ст. 265.2 КАС РФ) и (или) формирования позиции Роскомнадзора, привлекаемого к участию в рассмотрении данной категории дел (ч. 2 ст. 265.2 КАС РФ), или иных лиц, участвующих в деле (гл. 27.1 КАС РФ);

3.2) по делам о признании информационных материалов экстремистскими — для обоснования административного искового заявления (ст. 265.7, п. 3 ч. 2 ст. 265.2 КАС РФ) и (или) формирования позиции (заключения) Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, уполномоченного по правам человека в субъекте РФ (ч. 3 ст. 265.8 КАС РФ) или иных лиц, участвующих в деле (гл. 27.2 КАС РФ);

3.3) по признанию организаций по исковому заявлению прокурора экстремистскими (ст. 9 Федерального закона от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»²¹, гл. 27 КАС РФ), террористическими (ст. 24 Федерального закона от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»²², гл. 27 КАС РФ).

В рамках данного вида юрисдикционной деятельности востребована правовая экспертиза на предмет наличия или отсутствия признаков экстремистской/террористической/нежелательной²³ или иной организации, на которую распространяется специальный правовой режим в связи с деструктивным потенциалом ее деятельности. Как свидетельствует опыт экспертов ИИМБ МГЮА по подготовке восьми заключений для обоснования признания организаций экстремистскими и террористическими (по результатам которых уже запрещена деятельность 174 организаций), правовая экспертиза деструктивно-противоправного контента выступает лишь частью исследования: наряду с экспертизой информационных материалов, распространяемых в онлайн-сообществах организации, проводится анализ материалов дел о привлечении к ответственности лиц — членов (участников) исследуемой организации.

4. Рассмотрение дел, связанных с привлечением к юридической ответственности конкретных лиц (в том числе владельцев новостных

¹⁹ Охватывает методику по 15 видам деструктивно-противоправной информации, в том числе включает 50 диагностических комплексов признаков.

²⁰ СЗ РФ. 1996. № 35. Ст. 4136.

²¹ Российская газета. 2002, 30 июля. № 138–139.

²² Российская газета. 2006, 10 марта. № 48.

²³ Признание организации нежелательной осуществляется Генеральной прокуратурой во внесудебном порядке.

агрегаторов, аудиовизуальных сервисов, социальных сетей):

4.1) применение указанной методики потенциально может быть оформлено, во-первых, в процессуальной форме (судебной правовой экспертизы), что на практике не получило распространения;

4.2) во-вторых, в непроцессуальной форме (заключение специалиста или иной акт экспертного исследования); наряду с методиками лингвистической (психолого-лингвистической) экспертизы может использоваться при привлечении к ответственности органами публичной администрации в рамках исполнительного (внесудебного) административно-процессуального порядка разрешения административно-деликтных дел:

4.2.1) например, при рассмотрении Роскомнадзором дел об административных правонарушениях, предусмотренных статьями 13.37, 13.50 КоАП РФ;

4.2.2) для обоснования позиции уполномоченного органа при возбуждении дела об административном правонарушении и его дальнейшем рассмотрении судом (например, позиции Роскомнадзора по делам, возбуждаемым по ст. 13.15, ч. 4 ст. 6.13 КоАП РФ и иным, или прокурора);

4.3) в-третьих, как альтернативное исследование (внесудебная экспертиза или заключение специалиста — непроцессуальная форма), проводимое по запросу лица, привлекаемого к ответственности, или его представителя (на договорной возмездной основе) для обоснования позиции защиты по категориям дел, связанных с ответственностью за пропаганду деструктивной идеологии и распространение деструктивно-противоправной информации.

5. Правовой комплаенс медиаактивности и аудит медиаматериалов. Ввиду расширения запретительно-ограничительных мер в сфере распространения информации для оценки и нивелирования рисков привлечения к ответственности СМИ, блогеров, представителей кино- и иных креативных индустрий всё чаще востребовано принятие решений на основе правовой экспертизы медиаконтента, так как «классические» работники юридических подразделений субъектов продакшена и распространения медиаконтента, не владеющие тонкостями информационного законодательства и навыками правовой экспертизы деструктивно-противоправного контента, в большинстве случаев не способны дать обоснованную правовую

квалификацию информационных материалов и оценить правовые риски.

Кроме того, правовая экспертиза деструктивно-противоправного контента способствует не только повышению эффективности правоприменения, но и обеспечению наукоемкости, обоснованности и системности правотворчества.

Динамичная природа цифровой среды порождает более сложные и изощренные формы вредоносной информации, современные алгоритмы социальных сетей непреднамеренно усиливают ее распространение, возникает обширный пласт контента, который, формально не нарушая букву закона, обладает значительным деструктивным потенциалом, в связи с чем становится всё более актуальной проблема реактивного законодательного регулирования — запоздалой нормативной реакции на тренды медиапотребления (новые сетевые субкультуры, тематики и модели информационных кампаний и операций, мем-комплексы и т.п.) и направления технологической трансформации интернет-медиа (в том числе в связи с развитием рекомендательных технологий и дальнейшим семантическим капсулированием).

С учетом непроцессуального, как правило, характера правовой экспертизы деструктивно-противоправного контента и того факта, что субъекты ее производства зачастую выполняют и мониторинг интернет-медиа в целях выявления такого контента, обобщение практики данной экспертизы позволяет осуществлять:

— во-первых, юридический трендотчинг (обнаружение правовых пробелов и коллизий) на предмет того, какие виды деструктивного контента формально не подпадают под правовые запреты, хотя не менее общественно опасны, чем виды информации, закрепленные в действующем законодательстве как виды противоправной информации; какие есть правовые пробелы в описании критериев отнесения информации к противоправной и т.п.;

— во-вторых, юридический форсайт: прогнозирование новых рисков и угроз медиабезопасности в интернет-медиа на основе трендотчинга; сценарное планирование административно-управленческих решений и юридическое прогнозирование на основе рискориентированного подхода (разработка опережающих нормативных моделей регулирования оборота информации в интернет-медиа).

Так, на основе обобщения практики правовых экспертиз деструктивно-противоправного

контента ИИМБ МГЮА в 2024–2025 гг. подготовлены экспертно-аналитические исследования проблем противодействия деструктивному контенту, положенные в основу разрабатываемого в Государственной Думе пакета законопроектов.

Объект правовой экспертизы информационных материалов (деструктивно-противоправного контента) — информационные материалы, размещенные на представленных для исследования интернет-ресурсах и потенциально содержащие деструктивно-противоправный контент.

На наш взгляд, под деструктивной информацией (деструктивным контентом) следует понимать информацию, направленную на формирование представлений о допустимости и (или) необходимости девиантного поведения, пренебрежительного или отрицательного отношения к правам и свободам человека и гражданина, традиционным российским духовно-нравственным ценностям²⁴.

Деструктивно-противоправный контент — деструктивная информация, распространение которой запрещено (или ограничено к распространению в определенной возрастной группе) в соответствии с информационным законодательством, а также за распространение которой предусмотрены меры уголовной или административной ответственности²⁵.

Предмет правовой экспертизы деструктивно-противоправного контента — факты наличия или отсутствия в информационных материалах, размещенных на представленных для производства экспертизы интернет-ресурсах, деструктивной информации, запрещенной законом к распространению.

Методология правовой экспертизы информационных материалов и ее ограничения: к вопросу о необходимости внедрения нейротехнологий

Ввиду того что исследование информационных материалов, потенциально содержащих противоправный контент, предполагает установление их смысловой направленности и соответствия или несоответствия выявленных смыслов критериям противоправности контента, для методологии правовой экспертизы деструктивно-противоправного контента большое значение приобретает имеющийся методический базис, разработанный в области судебной лингвистической экспертизы.

Учитывая, что распространение однородных информационных материалов может и образовывать объективную сторону преступления (правонарушения), и подпадать под внесудебную блокировку, логично утверждать, что методология исследования информационных материалов должна быть сопоставимой независимо от вида юрисдикционной деятельности, в рамках которой осуществляются их правовая оценка и запрет распространения.

Методологический инструментарий, основанный на применении диагностических комплексов в ходе производства судебной лингвистической и психолого-лингвистической экспертизы криминогенных/конфликтногенных речевых продуктов, был разработан авторским коллективом РФЦСЭ имени А.Р. Шляхова Минюста России²⁶ более 10 лет назад и успешно внедрен в практику производства судебных лингвистических (психолого-лингвистических) экспертиз в различных видах судопроизводства (уголовном, гражданском, при расследовании дел об административных правонарушениях и др.).

Диспозиции норм права, запрещающих к распространению тот или иной вид деструктивной

²⁴ Никишин В. Д., Осипов С. А. Меры противодействия деструктивному контенту: опыт и перспективы // Обзор. НЦПТИ. 2024. № 4 (39). С. 17.

²⁵ Правовые механизмы противодействия деструктивному контенту и вовлечению в противоправную деятельность через онлайн-сообщества : монография / под ред. А. В. Минбалева, В. Д. Никишина. М. : Проспект, 2025. С. 53–54.

²⁶ См., например: Кукушкина О. В., Сафонова Ю. А., Секераж Т. Н. Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму : методическое издание. М. : ГУ РФЦСЭ при Минюсте России ; Эком, 2011 ; Они же. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму : методические рекомендации. М. : ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2014 ; Семантические исследования в судебной лингвистической экспертизе : методическое пособие / А. М. Плотников, В. О. Кузнецов, И. И. Саженин [и др.] ; под ред. С. А. Смирновой. М. : ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2018.

информации, конкретизируются в ведомственных критериях федеральных органов исполнительной власти (см., например, приказ Роскомнадзора от 27.02.2023 № 25²⁷). Вместе с тем для конкретизации, обеспечивающей прозрачность, аргументированность и обоснованность решений, связанных с ограничением доступа к тому или иному ресурсу как содержащему противоправную информацию, важно применение методологии, подразумевающей использование диагностических комплексов как образцов-эталонов признаков. Такой подход, как было указано выше, позволяет на практике обеспечить гарантию баланса права на свободу слова и ограничения этого права, а также исключить необоснованное принятие решения об ограничении доступа к тому или иному интернет-ресурсу.

Таким образом, методология правовой экспертизы деструктивно-противоправного контента предполагает выявление признаков компонентов информационных материалов (установление смысловой направленности) на основе критериев, содержащихся в диагностических комплексах, и правовую квалификацию информационных материалов как нарушающих или не нарушающих законодательно установленные запреты.

Методика проведения правовой экспертизы деструктивно-противоправного контента, согласно методологии, разработанной ИИМБ МГЮА, включает в себя пять этапов:

1) предварительное исследование информационных материалов (включая отбор объектов исследования и выдвижение гипотез о соответствии материалов конкретным диагностическим комплексам);

2) лингво-правовой анализ компонентов информационного материала:

2.1) определение признаков компонентов в исследуемом информационном материале;

2.2) построение модели исследуемого информационного материала (синтез компонентов);

3) сравнение компонентов исследуемого информационного материала с образцом-эталонem (диагностическим комплексом) и формулирование промежуточного вывода:

3.1) сравнение полученной модели с образцами-эталонами (диагностическими комплексами);

3.2) оценка результатов и формулирование промежуточного вывода;

4) правовая квалификация информационного материала как содержащего / не содержащего противоправный контент:

4.1) соотнесение вида диагностического комплекса с конкретными подпунктами и пунктами ведомственных критериев оценки информации, а также диспозициями ч. 5 ст. 15.1 и (или) ч. 1 ст. 15.3 Закона об информации;

4.2) оценка результатов и формулирование вывода о правовой квалификации информационного материала;

5) формулирование итогового вывода.

Формулировки законодательных запретов и установленных на подзаконном уровне критериев ориентированы на оценку информационных материалов, включающих в себя явные вербальные компоненты, установление содержания которых позволяет сделать безапелляционный вывод о наличии оснований для внесудебной блокировки. Однако в ходе исследования информационных материалов можно столкнуться с ситуацией, когда для проведения правового анализа либо отсутствует вербальная составляющая, либо присутствует только ее минимальное количество, недостаточное для вычленения лингвистических и (или) психологических признаков противоправности.

Соответственно, для реализации потенциала правовой экспертизы деструктивного контента в правоприменении (исследовании конкретных информационных материалов с целью ограничения доступа к ним в случае противоправности) и правотворчестве (устранении серых зон и пробелов законодательства, не охватывающего виды информации, имеющей значительный деструктивный потенциал, но не подпадающей под формальные законодательные формулировки) необходимы дополнительные инструменты оценки характера и степени воздействия информационных материалов на человека. Потенциал научно обоснованной объективной оценки воздействия контента на

²⁷ Приказ Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций от 27.02.2023 № 25 «Об утверждении критериев оценки материалов и (или) информации, необходимых для принятия Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций решений, являющихся основаниями для включения доменных имен и (или) указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»...» // СПС «КонсультантПлюс».

человека видится в интеграции нейротехнологий в процесс правовой экспертизы потенциально деструктивного контента.

Нейротехнологии: понятие и виды

Для наиболее продуктивной оценки перспектив использования нейротехнологий при изучении воздействия информационных материалов на человека следует прежде всего обозначить сущность функционирования самих нейротехнологий.

В действующих нормативных технических актах можно обнаружить закрепленное определение понятия «нейротехнологии». Так, согласно позиции Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии РФ (Росстандарт) нейротехнологии — это технологии, которые используют или помогают понять работу мозга, мыслительные процессы, высшую нервную деятельность, в том числе технологии по усилению, улучшению работы мозга и психической деятельности²⁸.

В рамках функционирования нейротехнологий наиболее часто применяются такие направления, как:

— нейровизуализация — использование технических устройств и методик для наблюдения за структурой или функционированием мозга, картирования активности мозга²⁹;

— нейромодуляция — изменение и модулирование деятельности мозга с использованием методов и устройств для торможения или стимуляции целевых участков мозга³⁰;

— интерфейсы «мозг — компьютер» — сбор данных о нейронной активности мозга с помощью записывающих устройств, их расшифровка для извлечения информации о человеке и использование этой информации для генерации команд, направленных на управление внешними устройствами³¹. Подгруппой этих интерфейсов можно считать аффективное вычисление, или искусственный эмоциональный интеллект. Его разработка объединяет различные области, включая инженерные науки, нейробиологию и психологию поведения с целью создания машин, способных не только интерпретировать, но и моделировать человеческие эмоции и таким образом адаптировать свою реакцию в зависимости от психологического состояния субъекта. В настоящее время многие системы на основе искусственного эмоционального интеллекта используют технологии отслеживания движения глаз (так называемый айтрекинг) и мимики, поскольку, согласно многочисленным исследованиям, лицо — это та часть человеческого тела, с помощью которой мы чаще всего выражаем свои мысли³². Некоторые ученые утверждают, что параметры глазодвигательной активности могут служить объективными индикаторами внимания и нагрузки³³.

²⁸ Приказ Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 23.12.2020 № 1372-ст «Об утверждении национального стандарта Российской Федерации ГОСТ Р 59277–2020. “Системы искусственного интеллекта. Классификация систем искусственного интеллекта”» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 16.06.2025).

²⁹ Доклад Консультативного комитета Совета по правам человека Генеральной Ассамблеи ООН «Воздействие, возможности и проблемы применения нейротехнологии в отношении поощрения и защиты всех прав человека» // URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/g24/133/30/pdf/g2413330.pdf> (дата обращения: 16.06.2025).

³⁰ Доклад Консультативного комитета Совета по правам человека Генеральной Ассамблеи ООН «Воздействие, возможности и проблемы применения нейротехнологии в отношении поощрения и защиты всех прав человека».

³¹ Wexler A., Peter B. Reiner Oversight of direct-to-consumer neurotechnologies // Science. 2019. Vol. 363. № 6424. P. 234–235.

³² Спозини Л. Влияние новых технологий на экономическое поведение и свободу выбора потребителя: от нейромаркетинга к нейроправам // Journal of Digital Technologies and Law. 2024. Т. 2. № 1. С. 74–100.

³³ Ребрейкина А. Б., Левкович К. М. Разработка методик на основе айтрекинга для диагностики когнитивных функций у детей // Современная зарубежная психология. 2024. Т. 13. № 2. С. 33–43.

Востребованные направления использования нейротехнологий в исследовании информационных материалов

Стоит отметить наличие определенных тенденций в интернет-медиа, которые обуславливают потребность в применении нейротехнологий для обоснования юридически значимых решений в сфере оборота информации.

Во-первых, актуальность направления использования нейротехнологий для правовой оценки информационных материалов, как было отмечено ранее, объясняется появлением новых форм контента, которые в состоянии деструктивно воздействовать на сознание человека, побуждать его к совершению определенных действий, но в то же время не могут быть оценены на предмет такого воздействия с использованием уже выработанных, традиционных способов анализа информационной продукции, которые основываются преимущественно на вербальных признаках. Исследования в области нейромаркетинга демонстрируют, что подобная детекция уже возможна³⁴. В частности, речь идет о доказательстве того, что комбинированный анализ ЭЭГ и айтрекинга небольшой группы испытуемых позволяет предсказать эффект массовой рекламной кампании. Соотношение мощности бета- и альфаритмов в центральных отведениях ЭЭГ служит индикатором вовлеченности и коррелирует с поведенческими метриками эффективности рекламы. При этом многомерный анализ паттернов дает представление о том, как конкретные визуальные стимулы кодируются в детализированных паттернах активности мозга³⁵.

Результаты нейроправовой экспертизы могут быть использованы при выработке оптимальных правовых моделей регулирования определенных видов контента: возможного пересмотра и конкретизации видов противоправной информации, а также оценки появляющихся новых ее видов, которые в зависимости от степени воздействия на человеческое сознание могут быть отнесены к противоправным или ограниченным к распространению среди определенных возрастных категорий.

Современные формы трансляции контента отражают тенденцию к минимизации вербальной составляющей и повсеместной креолизации, т.е. распространению в социальных медиа преимущественно не гомогенных (монокодовых), а гетерогенных (поликодовых, креолизованных) информационных материалов, которые не всегда соответствуют традиционно выделяемым признакам текста. Например, наиболее популярный в социальных медиа жанр мема охватывает максимально креолизованные информационные продукты, в которых вербальная составляющая минимальна (а иногда и сведена к нулю).

Такая природа информационного продукта усложняет, а порой и не позволяет установить его содержание традиционными методами семантического анализа, вычленив компоненты речевого продукта, необходимые для сравнения с диагностическим комплексом и правовой оценки. Соответственно, мы имеем дело с ситуацией, когда мем однозначно воздействует на аудиторию, но мы не в состоянии доказательно установить, как именно, а субъективная оценка восприятия информационного продукта экспертом не может ложиться в основу юридически значимого решения.

Например, в серой зоне действующего законодательства сегодня оказываются мемы «юмористической» тематики, снимающие табу с определенных запретных тем (насилие по отношению к детям и беременным женщинам, живодерство, некрофилия, терроризм и пр.)³⁶. Рассматривать такой контент как низкосортный/черный/тупой юмор, отдавая оценку его приемлемости на откуп нормам морали и нравственности? Или расценивать его как составную (стартовую) часть информационной кампании по нормализации неприемлемых для общества идей по модели «окно Овертона» и задействовать публично-правовые механизмы ограничения доступа к этому контенту (среди определенных возрастных категорий или вообще)? Представляется, что помочь оценить реальное влияние подобного рода контента, не подпадающего под формальные законодательные запреты, могут нейротехнологии на

³⁴ Central EEG Beta/Alpha Ratio Predicts the Population-Wide Efficiency of Advertisements / A. Kislov, A. Gorin, N. Konstantinovskiy [et al.] // Brain Sciences. 2013. № 13. P. 57.

³⁵ Heinze J., Anders S., Bode S. Multivariate decoding of fMRI data: Towards a content-based cognitive neuroscience // e-Neuroforum. 2012. Vol. 3. № 1. P. 1–16.

³⁶ Никишин В. Д. Вредоносная информация в интернет-медиа: «окно Овертона» и взаимосвязь деструктивных сетевых течений // Lex russica. 2022. № 11 (192). С. 131–148.

основе анализа когнитивных процессов мозга и установления наличия или отсутствия деструктивности.

Во-вторых, отдельного внимания заслуживает возможность использования нейрорасовой экспертизы при оценке информационных материалов, в которых вербальные компоненты как таковые могут отсутствовать. Наиболее ярко данный тезис можно проиллюстрировать на примере внесудебной блокировки музыкальной продукции. Так, потенциально противоправными являются музыкальные жанры, которые не строятся на наличии текстового содержания, а делают основной упор на инструментальный отыгрыш, мелодию. Это может быть воздействующая на подсознание музыка, способная ввести человека в транс, подтолкнуть к совершению самоубийства и т.п. Потенциально рисковыми жанрами выступают отдельные разновидности панк-рока, в частности *melodic punk*. К этой же группе относятся и произведения депрессивной направленности. Говоря о таком жанре, следует отметить тренд на применение нейросетей для создания медиаконтента.

Посредством нейросетей множится контент, создаваемый рядовыми пользователями: на онлайн-платформах присутствуют заранее заготовленные промпты, которые позволяют создать аудиоконтент особой направленности. Проведенный нами мониторинг показал, что таковыми являются промпты по тематикам «гнетущая атмосфера», «тревожные ощущения», «давящее чувство», «чувство безысходности» и т.п.³⁷

В-третьих, еще одно направление использования нейротехнологий — проведение нейрорасовой экспертизы с целью определения способности конкретного вида контента подпадать под признаки именно пропаганды. То есть речь идет о разграничении понятий «демонстрация» и «пропаганда», что часто имеет принципиальное юридическое значение: 1) в ряде случаев ответственность может наступать только за пропаганду, а не за демонстрацию; 2) за пропаганду и демонстрацию может быть разная ответственность.

Так, согласно ст. 6.21 КоАП в Российской Федерации запрещена пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений (среди любых

возрастных категорий). Пропагандирующая их информация подпадает под внесудебную блокировку в соответствии с п. «л» ч. 5 ст. 15.1 Закона об информации. Однако демонстрация нетрадиционных сексуальных отношений запрещена только среди несовершеннолетних (ст. 6.21.2 КоАП РФ), такая информация признается причиняющей вред здоровью и развитию детей (ст. 5 Закона о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию). Демонстрация фактически сводится к такому компоненту информационного продукта, как «тематика», при этом отношение и речевые цели могут быть разными; определенные символы, сцены и прочее могут демонстрироваться, например, с целью сформировать негативное отношение к репрезентуемым идеям. Для правовой квалификации важен анализ не только того, о чем говорится (что демонстрируется), но и того, какое отношение к тематике выражено и какова коммуникативная цель, а при отсутствии или минимальном объеме вербального компонента применение традиционных методов анализа информационных материалов неэффективно и объективное экспертное исследование превращается в субъективную экспертную оценку. В таких случаях востребован дополнительный доказательный материал — данные о реакциях мозга на стимулы в виде спорных информационных материалов: какие эмоции материал действительно вызывает, какое отношение к демонстрируемому формирует и т.п.

Другой пример юридической значимости определения целей демонстрации — экстремистская атрибутика или символика. Примечание к ст. 20.3 КоАП РФ устанавливает, что ее действие не распространяется на случаи формирования негативного отношения к идеологии нацизма и экстремизма при отсутствии признаков пропаганды или оправдания нацистской и экстремистской идеологии.

Полагаем, нейротехнологии смогут оказывать помощь экспертам в разграничении демонстрации и пропаганды, а также законной и незаконной демонстрации. Нововведения позволят соблюсти баланс между правом на свободу слова и публичными интересами, сопряженными с защитой от информации определенных категорий лиц.

³⁷ В качестве примера рассмотрим платформу *Zvukogram.com* — онлайн-сервис на базе нейросетей для работы с аудиоконтентом. Он позволяет пользователям преобразовывать текст в качественные аудиофайлы.

В-четвертых, в качестве перспективного направления использования нейротехнологий при проведении экспертизы информационных материалов нужно отметить возможность оценки на наличие скрытых вставок, способных воздействовать на подсознание людей. В российском законодательстве предусмотрена административная ответственность за изготовление и (или) распространение теле-, видео-, кинопрограмм, документальных и художественных фильмов, а также относящихся к специальным средствам массовой информации информационных компьютерных файлов и программ обработки информационных текстов, содержащих скрытые вставки, воздействующие на подсознание людей и (или) оказывающие вредное влияние на их здоровье (ч. 1 ст. 13.15 КоАП). Однако практика привлечения к ответственности за это правонарушение фактически отсутствует. Предполагается, что такое положение вещей вызвано сложностью выявления вредоносного воздействия на подсознание человека и, как следствие, доказывания наличия состава правонарушения. Нейротехнологии, позволяющие проанализировать реакции мозговой активности на конкретные информационные материалы, могут быть использованы в правоприменительной практике для установления наличия и характера скрытой вставки.

Изложенное дает основание для выдвижения тезиса о необходимости расширения сферы правового регулирования в области информации, а именно средств массовой информации.

Статьей 2 Закона РФ от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации»³⁸ специализированное средство массовой информации определяется как «средство массовой информации, для регистрации или распространения продукции которого настоящим Законом установлены специальные правила». Таковыми являются детские и рекламные издания. Как мы можем заметить, действием статьи охватываются только средства массовой информации. Но подобные вставки могут содержаться и в иных формах медиаконтента, что дает повод говорить о необходимости расширения поля правового регулирования. Нейротехнологии способны внести положительный вклад в оценку

медиапродукции на предмет присутствия в ней скрытых вставок.

В-пятых, приведенные тезисы-гипотезы о перспективах использования нейроправовой экспертизы в обеспечении информационной безопасности также могут найти отклик в рамках правового комплаенса медиаактивности. Нейротехнологии дадут возможность предварительно определять, как информационный продукт воздействует на сознание человека, и проводить оценку потенциальной противоправности контента перед тем, как размещать информационные материалы на публичных площадках, чтобы избежать попадания в рисковую зону за размещение противоправных материалов. Адресатами данного комплаенса могут быть те, чья профессиональная деятельность непосредственно связана с производством и распространением медиаконтента (ряд производителей медиаконтента в последние годы уже прибегает к нейромаркетинговому консалтингу — оценке привлекательности контента с помощью айтрекинга, что обладает лишь ограниченными возможностями).

В подтверждение перспективности данного направления — нейроправового комплаенса медиапродукта — обратим внимание на вступившие в силу с 1 марта 2026 г. поправки, согласно которым не будет выдаваться прокатное удостоверение кинематографической продукции, дискредитирующей российские традиционные духовно-нравственные ценности или пропагандирующей их отрицание, а владельцы социальных сетей и аудиовизуальных сервисов обязаны по требованию Роскомнадзора прекращать распространение такого фильма (сериала), а также осуществлять внутреннюю модерацию с целью выявления контента, в отношении которого было отозвано прокатное удостоверение³⁹.

В-шестых, нельзя забывать о таком направлении использования нейроправовой экспертизы информационных материалов, как экспертиза медиаконтента, произведенного при государственной поддержке. Ее актуальность обусловлена тем, что в современном изменяющемся мире важным средством обеспечения национальной безопасности Российской Федерации

³⁸ Российская газета. 1992, 8 февраля. № 32.

³⁹ Федеральный закон от 31.07.2025 № 324-ФЗ «О внесении изменений в статьи 10.5 и 10.6 Федерального закона “Об информации, информационных технологиях и о защите информации” и статьи 5 и 5.1 Федерального закона “О государственной поддержке кинематографии Российской Федерации”» // Российская газета. 2025, 7 августа. № 175–176.

выступает защита традиционных духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти. В соответствии с Указом Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»⁴⁰ одним из основных организационных инструментов реализации рассматриваемой политики является «оценка проектов (в том числе информационных и иных материалов), программ и мероприятий на предмет соответствия традиционным ценностям при решении вопроса о целесообразности их государственной поддержки».

В ходе претворения в жизнь намеченной политики государство активно поддерживает (прежде всего финансово) множество разработчиков самого разнообразного контента, декларирующих свое созидательное предназначение, ориентированное на сохранение и укрепление традиционных духовно-нравственных ценностей. На практике же общественный резонанс вызывают спорные медиапродукты, подготовленные за счет государственного бюджета, но, по оценке ряда специалистов, глумящиеся над традиционными ценностями, пропагандирующие эгоизм, вседозволенность, интеллектуальную и морально-нравственную деградацию и т.п. Полагаем, что нейроправовая экспертиза медиапродукции, произведенной при государственной поддержке, окажет помощь при установлении:

- 1) смысловой нагрузки,
- 2) степени и характера психологического воздействия,
- 3) транслируемых ценностей.

Таким образом, нейроправовая экспертиза может быть использована: для предварительной оценки медиапродукта относительно возможности достижения заявленных целей и, как следствие, решения вопроса о целесообразности государственного финансирования; при оценке отчетности по уже профинансированно-

му проекту для принятия решения о дальнейшей поддержке проекта (или его держателя) на основе определения воздействия медиапродукта на потребителей контента. В такой парадигме, во-первых, будут дополнительно защищены финансовые интересы государства, а во-вторых, с помощью нейротехнологий государство сможет наиболее продуктивно выстраивать политику по защите и укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей, внедряя медиапродукты, производящие созидательный эффект.

На наш взгляд, нейроправовая экспертиза информационных материалов представляет собой не комплексную правовую и некую иную экспертизу («нейро-правовую»), а правовую экспертизу потенциально деструктивного контента с использованием нейротехнологий. Таким образом, ключевое отличие от методологии правовой экспертизы информационных материалов будет состоять в расширении спектра используемых специальных знаний (в сфере нейрофизиологии) и инструментов (нейрогабитур и пр.).

Заключение

Подводя итог, стоит отметить, что современные нейротехнологии представляют собой перспективное направление, способное оказать существенную поддержку при защите прав и законных интересов граждан в самых разных аспектах общественной жизни. Грамотное использование нейротехнологий для принятия сбалансированных нормативных моделей в области оборота информации, а также внедрение в практику правовой экспертизы медиапродуктов значительно усовершенствуют политику сохранения традиционных духовно-нравственных ценностей и в целом сферу противодействия информационным угрозам и обеспечения когнитивного суверенитета.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аверьянова Т. В.* Судебная экспертиза : курс общей теории. М. : Норма, 2006. 480 с.
Агеев В. С. Психологическое исследование социальных стереотипов // Вопросы психологии. 1986. № 1. С. 95–101.
Галышина Е. И. Поговорим о правовой экспертизе // Правовой альманах. 2023. № 3 (25). С. 22–25.

⁴⁰ СЗ РФ. 2022. № 46. Ст. 7977.

- Галяшина Е. И., Никишин В. Д. Информационно-мировоззренческая безопасность в интернет-медиа : монография. М. : Блок-Принт, 2023. 424 с.
- Жариков Ю. С. Уголовно-правовое регулирование и механизм его реализации : монография. М. : Юриспруденция, 2009. 212 с.
- Зотов Д. В. Правовая экспертиза в уголовном судопроизводстве: от легализации к процессуальной регламентации. Воронеж, 2015. 86 с.
- Зотов Д. В. Юридическая экспертиза как новая форма применения специальных знаний в уголовном судопроизводстве // Воронежские криминалистические чтения. Федеральный научно-практический журнал. 2016. № 1 (18). С. 48–61.
- Кукушкина О. В., Сафонова Ю. А., Секераж Т. Н. Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму : методическое издание. М. : ГУ РФЦСЭ при Минюсте России ; Эком, 2011. 326 с.
- Никишин В. Д. Вредоносная информация в интернет-медиа: «окно Овертона» и взаимосвязь деструктивных сетевых течений // Lex russica. 2022. № 11 (192). С. 131–148.
- Никишин В. Д., Галяшина Е. И. Юридиколо-лингвистический подход к исследованию поликодовых текстов криминальной коммуникации в цифровой среде в целях обеспечения информационной (мировоззренческой) безопасности // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 6. С. 179–193.
- Никишин В. Д., Осипов С. А. Меры противодействия деструктивному контенту: опыт и перспективы // Обзор. НЦПТИ. 2024. № 4 (39). С. 14–25.
- Правовые механизмы противодействия деструктивному контенту и вовлечению в противоправную деятельность через онлайн-сообщества : монография / под ред. А. В. Минбалева, В. Д. Никишина. М. : Проспект, 2025. 224 с.
- Ребрейкина А. Б., Левкович К. М. Разработка методик на основе айтрекинга для диагностики когнитивных функций у детей // Современная зарубежная психология. 2024. Т. 13. № 2. С. 33–43.
- Россинская Е. Р. Концепция судебно-нормативных экспертиз как основа использования специальных юридических знаний в судебно-экспертной деятельности // Вестник ННГУ. 2015. № 2. С. 149–152.
- Россинская Е. Р. Специальные юридические знания и судебно-нормативные экспертизы // Argumentum ad iudicium. ВЮЗИ — МЮИ — МГЮА. Труды. Т. 2. М., 2006. С. 234–241.
- Россинская Е. Р. Судебная юридическая (правовая) экспертиза: за и против с позиций современной судебной экспертологии // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2016. № 8 (24). С. 56–69.
- Секераж Т. Н. Актуальные вопросы психологического исследования материалов по делам, связанным с проявлениями экстремизма // Психология и право. 2014. Т. 4. № 4. С. 88–98.
- Семантические исследования в судебной лингвистической экспертизе : методическое пособие / А. М. Плотников, В. О. Кузнецов, И. И. Саженин [и др.] ; под ред. С. А. Смирновой. М. : ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2018. 136 с.
- Современные исследования нейрональных основ принятия моральных решений / В. Г. Булыгина, И. М. Исангалиева, О. Д. Пеева [и др.] // Психология и право. 2023. Т. 13. № 2. С. 110–126.
- Спозини Л. Влияние новых технологий на экономическое поведение и свободу выбора потребителя: от нейромаркетинга к нейроправам // Journal of Digital Technologies and Law. 2024. Т. 2. № 1. С. 74–100.
- Теория судебной экспертизы (Судебная экспертология) : учебник / под ред. Е. Р. Россинской. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : Инфра-М, 2026. 368 с.
- Central EEG Beta/Alpha Ratio Predicts the Population-Wide Efficiency of Advertisements / A. Kislov, A. Gorin, N. Konstantinovskiy [et al.] // Brain Sciences. 2013. № 13. P. 57.
- Farah M. J. Emerging ethical issues in neuroscience // Nature Neuroscience. 2002. Vol. 5. № 11. P. 1123–1130.
- Galyashina E. I., Bogatyrev K. M. Legal Expertise as a Tool of Countering Violent Extremism in the Web 2.0 // Kutafin Law Review. 2024. Vol. 11. № 1. P. 142–158.
- Heinzle J., Anders S., Bode S. Multivariate decoding of fMRI data: Towards a content-based cognitive neuroscience // e-Neuroforum. 2012. Vol. 3. № 1. P. 1–16.
- Wexler A., Peter B. Reiner Oversight of direct-to-consumer neurotechnologies // Science. 2019. Vol. 363. № 6424. P. 234–235.

REFERENCES

- Ageev VS. Psychological research of social stereotypes. *Voprosy psikhologii*. 1986;1:95-101. (In Russ.).
- Averyanova TV. Forensic examination: A general theory course. Moscow: Norma Publ.; 2006. (In Russ.). P. 186. (In Russ.).
- Bulygina VG, Isangalieva IM, Peeva OD, Remeeva AF, Lysenko NE. Modern research on the neural foundations of moral decision-making. *Psihologiya i pravo*. 2023;13(2):110-126. (In Russ.).
- Farah MJ. Emerging ethical issues in neuroscience. *Nature Neuroscience*. 2002;5(11):1123-1130.
- Galyashina EI, Bogatyrev KM. Legal Expertise as a Tool of Countering Violent Extremism in the Web 2.0. *Kutafin Law Review*. 2024;11(1):142-158.
- Galyashina EI, Nikishin VD. Information and ideological security in Internet media: A monograph. Moscow: Blok-Print Publ.; 2023. (In Russ.).
- Galyashina EI. Let's talk about legal expertise. *Pravovoj almanah*. 2023;3(25):23. (In Russ.).
- Heinzle J, Anders S, Bode S. Multivariate decoding of fMRI data: Towards a content-based cognitive neuroscience. *e-Neuroforum*. 2012;3(1):1-16.
- Kislov A, Gorin A, Konstantinovskiy N, Klyuchnikov V, Bazanov B, Klucharev V. Central EEG Beta/Alpha Ratio Predicts the Population-Wide Efficiency of Advertisements. *Brain Sciences*. 2013;13:57.
- Kukushkina OV, Safonova YuA, Sekerazh TN. Theoretical and methodological foundations of forensic psychological and linguistic expertise of texts in cases related to countering extremism: Methodical edition. Moscow: GU RFTSSE under the Ministry of Justice of Russia: ECOM; 2011. (In Russ.).
- Legal mechanisms for countering destructive content and involvement in illegal activities through online communities: A monograph. Minbaleev AV, Nikishin VD (eds.). Moscow: Prospekt Publ.; 2025. (In Russ.). P. 53–54. (In Russ.).
- Nikishin VD, Osipov SA. Measures to counter destructive content: Experience and prospects. *Obzor. NCPTI*. 2024;4(39):17. (In Russ.).
- Nikishin VD, Galyashina EI. Legal Linguistic Approach to the Study of Criminogenic Communication Polycode Texts in the Digital Environment in order to Ensure Information (Worldview) Security. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2020;15(6):179-193. (In Russ.).
- Nikishin VD. Harmful Information in Internet Media: The «Overton Window» and Destructive Network Content Interrelationships. *Lex russica*. 2022;75(11):131-148. (In Russ.).
- Rebreikina AB, Levkovich KM. Development of eye-tracking techniques for the diagnosis of cognitive functions in children. *Sovremennaya zarubezhnaya psihologiya*. 2024;13(2):33-43. (In Russ.).
- Rossinskaya ER. Judicial legal expertise: Pros and cons from the perspective of modern forensic expertise. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina [Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)]*. 2016;8(24):63. (In Russ.).
- Rossinskaya ER. Special legal knowledge and forensic regulatory expertise. *Argumentum ad Yuridicum VUZY — MUI — MSAL, Proceedings*. 2006;2:234-241. (In Russ.).
- Rossinskaya ER. The concept of forensic regulatory examinations as a basis for the use of special legal knowledge in forensic expertise. *Vestnik NNGU*. 2015;2:149-152. (In Russ.).
- Sekerazh TN. Current issues of psychological research of materials on cases related to manifestations of extremism. *Psihologiya i pravo*. 2014;4(4):88-98. (In Russ.).
- Semantic research in forensic linguistic expertise: A methodological guide. Plotnikov AM, Kuznetsov VO, Sazhenin II, et al.; Smirnova SA (ed.). Moscow: Russian Federal Centre of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation; 2018. (In Russ.).
- Sponisi L. Impact of New Technologies on Economic Behavior and Consumer Freedom of Choice: from Neuromarketing to Neuro-Rights. *Journal of Digital Technologies and Law*. 2024;2(1):74-100. (In Russ.).
- Theory of forensic examination (Forensic expertise): A textbook. Rossinskaya ER (ed.). 2nd ed., rev. and suppl. Moscow: Norma, Infra-M Publ.; 2026. (In Russ.).
- Wexler A, Peter B. Reiner Oversight of direct-to-consumer neurotechnologies. *Science*. 2019;363(6424).
- Zharikov YuS. Criminal law regulation and the mechanism of its implementation: A monograph. Moscow: Yurisprudenciya Publ.; 2009. (In Russ.).
- Zotov DV. Legal expertise as a new form of application of special knowledge in criminal proceedings. *Voronezhskie kriminalisticheskie chteniya. Federalnyj nauchno-prakticheskiy zhurnal*. 2016;1(18):48-61. (In Russ.).
- Zotov DV. Legal expertise in criminal proceedings: From legalization to procedural regulation. Voronezh; 2015. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Никишин Владимир Дмитриевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры информационного права и цифровых технологий, директор Института информационной и медиabezопасности Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
nikishin.v.d@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir D. Nikishin, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Information Law and Digital Technologies, Director, Institute of Information and Media Security, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
nikishin.v.d@mail.ru

*Материал поступил в редакцию 24 марта 2025 г.
Статья получена после рецензирования 1 апреля 2026 г.
Принята к печати 15 апреля 2026 г.*

*Received 24.03.2025.
Revised 01.04.2026.
Accepted 15.04.2026.*